

ЧАСТЬ 1

1

Двадцать девятого апреля 1942 года к Зальцбургскому вокзалу, украшенному итальянскими и немецкими флагами, подошел поезд диктатора фашистской Италии — Бенито Муссолини.

После обычной церемонии на вокзале Муссолини и люди, сопровождавшие его, отправились в старинный замок зальцбургских князей-епископов Клессгейм.

Здесь в больших, холодных залах, недавно обставленных вывезенной из Франции мебелью, должно было состояться очередное свидание Гитлера и Муссолини, беседы Риббентропа, Кейтеля, Йодля и других приближенных Гитлера с министрами — Чиано, генералом Кавальеро, итальянским послом в Берлине Альфиери, сопровождавшими Муссолини.

Эти два человека, считавшие себя хозяевами Европы, встречались каждый раз, когда Гитлером подготавливалась новая катастрофа в жизни народов. Их уединенные беседы на границе австрийских и итальянских Альп знаменовали обычные военные вторжения, континентальные диверсии, удары многомиллионных моторизованных армий. Краткие газетные сообщения о встречах диктаторов наполняли тревожным ожиданием человеческие сердца.

Семилетнее наступление фашизма в Европе и Африке шло успешно, и, вероятно, обоим диктаторам трудно было бы перечислить длинный список больших и малых побед, приведших их к власти над огромными пространствами и сотнями миллионов людей. После бескровных

захватов Рейнской области, Австрии и Чехословакии Гитлер в августе 1939 года вторгся в Польшу и разбил армии Рыдз-Смиглы. Он сокрушил в 1940 году одну из победительниц Германии в Первой мировой войне — Францию, попутно захватил Люксембург, Бельгию, Голландию, поднял Данию, Норвегию. Он сбросил Англию с европейского материка, изгнав ее войско из Норвегии и Франции. Он сокрушил на рубеже 1940 и 1941 годов армии Балканских государств — Греции и Югославии. Абиссинский и албанский разбой Муссолини казался провинциальным по сравнению с огромным всеевропейским масштабом гитлеровских захватов.

Фашистские империи распространили свою власть над пространствами Северной Африки, захватили Абиссинию, Алжир, Тунис, порты Западного берега, грозили Александрии и Каиру.

В военном союзе с Германией и Италией состояли Япония, Венгрия, Румыния и Финляндия. В разбойничьей дружбе с Германией находились фашистские круги Испании, Португалии, Турции и Болгарии.

За десять месяцев, прошедших с начала вторжения в СССР, армии Гитлера захватили Литву, Эстонию, Латвию, Украину, Белоруссию, Молдавию, оккупировали Псковскую, Смоленскую, Орловскую, Курскую и часть Ленинградской, Калининской, Тульской, Воронежской областей.

Созданная Гитлером военно-экономическая машина поглотила большие богатства: французские сталелитейные, машиностроительные и автомобильные заводы, железные рудники Лотарингии, бельгийскую металлургию и угольные шахты, голландскую точную механику и радиозаводы, австрийские металлообрабатывающие предприятия, военные заводы «Шкода» в Чехословакии, нефтяные промыслы и нефтеперерабатывающие заводы Румынии, железные руды Норвегии, вольфрамовые и ртутные рудники Испании, текстильные фабрики Лодзи. Одновременно длинный приводной ремень «нового порядка» заставил вертеться колеса и работать станки сотен тысяч менее

крупных предприятий во всех городах оккупированной Европы.

Плуги двадцати государств пахали землю, а мельничные жернова мололи ячмень и пшеницу для оккупантов. Рыбачьи сети в трех океанах и пяти морях вылавливали рыбу для фашистских метрополий. Гидравлические прессы выжимали виноградный сок и оливковое, льняное, подсолнечное масло на плантациях Африки и Европы. На ветвях миллионов яблонь, сливовых, апельсиновых и лимонных деревьев вызревал богатый урожай, и в деревянные ящики, проштемпелеванные знаком черного одноглавого орла, упаковывались созревшие плоды. Железные пальцы доили датских, голландских и польских коров, стригли овец на Балканах и в Венгрии.

Власть над захваченными пространствами Европы и Африки, казалось, с каждым годом, с каждым днем и часом множила силы фашизма.

Предатели свободы, добра и правды в своем холуйском раболепии перед торжествующим насилием пророчили гибель всем сопротивлявшимся, называя гитлеризм истинно новым, высшим порядком.

В «новом порядке», установленном Гитлером в завоеванной им Европе, обновились все виды, все формы, все способы насилия, которые возникали на протяжении тысячелетий истории господства немногих над многими.

Зальцбургское свидание в конце апреля 1942 года предшествовало большому наступлению на юге России.

2

В первые минуты встречи Гитлер и Муссолини, как обычно широко и приветливо улыбаясь всей эмалью и золотом своих искусственных зубов, выразили удовольствие, что обстоятельства позволили им свидеться.

Муссолини подумал, что зима и жестокое поражение под Москвой не дали Гитлеру даром — в волосах его, не только на висках, было много седины, отеки под глазами стали больше, цвет лица казался особенно бледным и не-

здоровым; неизменно свежим оставался лишь френч фюрера. Зато угрюмое и жестокое выражение еще резче проступало на лице Гитлера.

Гитлер, поглядев на дуче, подумал, что через пять-шесть лет тот окончательно одряхлеет, толстый старческий живот станет еще толще, ноги еще короче, тяжелые челюсти еще тяжелей. Ужасающая диспропорция между телом карлика и огромным подбородком, лицом и лбом великана... Правда, темные умные глаза дуче сохраняли жестокую зоркость.

Фюрер, все еще улыбаясь, порадовался за дуче: он выглядит помолодевшим. Дуче был рад за фюрера: его наруганность — свидетель здоровья и бодрости духа.

Они заговорили о прошедшей зиме. Муссолини, потирая ладони, точно они у него мерзли от одной мысли о московской стуже, поздравил Гитлера с победой над русскими льдами, над тремя генералами России: декабрем, январем и февралем. Голос его звучал торжественно, — видимо, слова поздравления, как и широкая неподвижная улыбка, были заготовлены заранее.

Они согласились, что, несмотря на большие людские и материальные потери в эту небывало холодную, убийственно жестокую даже для русских зиму, у отступивших немецких дивизий не было Березины. Это, видимо, свидетельствовало о превосходстве того, кто вел войну с Россией в 1941 году, над тем, кто вел войну с Россией в 1812 году. Потом они обсудили общие перспективы.

Теперь, когда зима позади, ничто уж не может спасти Россию — последнего врага «нового порядка» на континенте, и предстоящее наступление поставит на колени Советы. Наступление лишит наземные и воздушные моторы Красной Армии горючего, лишит нефти промышленность Урала, лишит горючего механизированное сельское хозяйство, определит падение Москвы. После разгрома России Британия капитулирует. Англичан быстро поставит на колени воздушная и подводная война — Восточного фронта тогда не будет, операции приобретут всеокрушающую силу. «Дженерал моторс», Стальной трест,

«Стандарт ойл», все фирмы, определяющие производство американских военных моторов, самолетов, стали, синтетического каучука, магния, совершенно не заинтересованы в росте производства, а искусственно сдерживают его ради вздутия монопольных прибылей. Что касается Британии, то Черчилль ненавидит своего русского союзника больше, чем немецкого противника, и в его склеротическом мозгу все смешалось: с кем он, против кого он. Обоим не хотелось говорить о «нелепом паралитике» Рузвельте. Их взгляды на положение во Франции совпадали. Несмотря на проведенную Гитлером две недели назад реорганизацию Вишійского кабинета, антинемецкие настроения усиливались, во Франции зрела измена. Но это не имело особого значения и не вызывало тревоги: едва на востоке руки будут развязаны, во всей Европе установится спокойствие и мир.

Гитлер, усмехнувшись, сказал, что пришлет наводить порядок во Франции Гейдриха из Чехословакии, и перешел к африканским делам. Он не высказал ни одного упрека, перечисляя африканские силы Роммеля, посланные в помощь итальянцам: Муссолини понял, что Гитлер нарочно перед разговором о главном и основном предмете совещания выразил желание поддержать итальянское наступление в Африке.

И действительно, вскоре Гитлер заговорил о России. Гитлер не видел и не хотел видеть того, что тяжелые бои на Восточном фронте, жестокие зимние потери лишили германскую армию возможности вести наступление одновременно на юге, на севере, в центре. Ему казалось, что план новой летней кампании рожден лишь его свободной волей, что лишь его воля и мысль определяют движение военных событий.

Он сказал Муссолини о том, что потери Советов огромны, они лишились украинской пшеницы. Ленинград обстреливается артиллерией. Прибалтика навеки отторгнута от России. Днепр находится в глубоком тылу германских армий. Уголь, химия, руда, металлургия Донбасса в руках Фатерлянда, немецкие истребители летают на

Москву, Советский Союз потерял Белоруссию, большую часть Крыма, тысячелетние земли Центральной России, русские изгнаны из своих старинных городов — Смоленска, Пскова, Орла, Курска, Вязьмы, Ржева. Остается нанести последний удар, но, для того чтобы наступление действительно оказалось последним, сила его должна быть фантастически велика. Генералы оперативного управления штаба считают, что не нужно одновременно двигаться к Сталинграду и на Кавказ. Но он сомневается в их правоте: если у него хватило в прошлом году сил вести войну в Африке, потрясать Британию с воздуха, парализовать подводным флотом усилия Америки и одновременно стремительно двигаться вглубь России фронтом протяжением в три тысячи километров, почему же колебаться сегодня, пока полная пассивность Америки и Англии, совершенно не связывающая вооруженные силы Германии, позволяет собрать всю мощь удара лишь на одном участке одного Восточного фронта. Масштаб ужасного и сокрушительного наступления на Россию должен быть огромен. С запада на восток вновь будут переброшены большие силы; во Франции, Бельгии, Голландии останутся лишь дивизии, патрулирующие побережье. Войска, оттянутые на восток, будут перегруппированы, и северной, северо-западной, западной группам предстоит пассивная задача — вся живая сила удара стуситится на юго-востоке.

Никогда, пожалуй, не концентрировалось столько артиллерии, танковых дивизий, пехоты, бомбардировочной и истребительной авиации на одном участке фронта. Это частное наступление в существе своем имеет все элементы мировой всеобщности. Это последний и окончательный этап наступления национал-социализма. Здесь навсегда определится судьба Европы и судьба мира. В этом наступлении должна достойно участвовать итальянская армия. В нем должна участвовать не только армия, но итальянская промышленность, итальянское земледелие, весь итальянский народ.

Муссолини знал заранее о низменной прозе, сопутствовавшей дружеским встречам с Гитлером. Последние

слова Гитлера означали погрузку в восточные эшелоны сотен тысяч итальянских солдат, резкое повышение поставок сельскохозяйственного сырья и продовольствия, внеочередной принудительный набор рабочих для германских предприятий.

После окончания беседы Гитлер вышел следом за Муссолини из кабинета и проводил его через приемный зал. Быстрым, ревнивым взором Муссолини оглядывал немецких часовых. Казалось, их мундиры и плечи были отлиты из стали, лишь в глазах было выражение иступленного напряжения, когда мимо них проходил фюрер. В этой монотонной серой окраске солдатского мундира и гитлеровского френча, близкой по тону борту линкора и железу сухопутной войны, было нечто превосходящее пышную окраску итальянской военной формы, нечто выражавшее силу германской армии. Неужели вот этот самоуверенный главнокомандующий восемь лет назад, во время первой их встречи, в белом дождевике, черной мятой шляпе и рыжих ботинках, похожий на провинциального актера либо живописца, вызывая смех и улыбки венецианской толпы, спотыкаясь шел на параде карабинеров и гвардии рядом с дуче, одетым в генеральский плащ, каску с высоким плюмажем и шитый серебром мундир римского генерала?

Дуче постоянно удивлялся успеху и власти Гитлера. Нечто иррациональное было в торжестве этого богемского психопата, и в глубине души Муссолини считал его успех курьезом и недоразумением мировой истории.

Вечером Муссолини несколько минут разговаривал со своим зятем Чиано. Они разговаривали во время короткой прогулки по прелестному весеннему саду — имелась опасность, что в комнатах князей-епископов другом и союзником установлены замаскированные сименсовские диктофоны. Муссолини был раздражен: конечно, ему снова пришлось согласиться, и снова вопрос создания «Великой Итальянской Империи» будет решаться не на Средиземном море, не в Африке, а где-то в чертовых донских и калмыцких степях. Чиано спросил о самочувствии фюрера.

Муссолини ответил: крепок, но несколько утомлен и, как всегда, невероятно болтлив.

Чиано сказал, что Риббентроп был с ним очень любезен, настолько, что даже показался не совсем уверенным. Муссолини ответил, что это лето решит все судьбы и подведет итог всем итогам.

— Я думаю, — сказал Чиано, — любая неудача фюрера будет и нашей неудачей, но с некоторых пор я не уверен, будет ли его конечная удача и нашей удачей.

Его скептицизм не был поддержан — тесть отправился спать.

Тридцатого апреля после завтрака состоялась вторая встреча Гитлера и Муссолини — при ней присутствовали оба министра иностранных дел, фельдмаршалы и генералы.

Гитлер был в это утро очень возбужден. Не заглядывая в лежащие перед ним бумаги, он называл номера дивизий и цифры, выражавшие мощность промышленных предприятий. Он говорил час сорок минут без передышки, лишь облизывая губы своим большим языком, точно говорение вызывало у него во рту ощущение сладости. В своей речи он коснулся самых различных вопросов: Krieg, Friede, Weltgeschichte, Religion, Politik, Philosophic, Deutsche Seeie...¹ Он говорил быстро, напористо, но спокойно, редко повышая голос. Лишь однажды он усмехнулся, по лицу его прошла судорога. «Вскоре еврейский смех замолкнет навсегда», — он приподнял кулак, но тотчас разжал его, мягко опустил руку. Итальянский партнер поморщился: темперамент фюрера пугал его.

Гитлер переходил несколько раз от вопросов войны к послевоенному устройству. Было ясно, что мысль его, опережая предстоящий успех летнего наступления в России и близкий конец войны на континенте, теперь часто бывает занята грядущим мирным временем — отношением к религии, социальными законами, национал-социа-

¹ Война, мир, мировая история, религия, политика, философия, немецкая душа.

листическими науками, искусством, которые наконец смогут успешно развиваться в очищенной, освобожденной от коммунистов, демократов и евреев новой послевоенной Европе.

И в самом деле, пора подумать обо всем этом — в сентябре, в октябре, когда военный крах Советской России ознаменует начало мирного периода, когда угаснут пожары и уляжется пыль последнего в истории русского народа сражения, во всем объеме встанут сотни вопросов: нормальная организация немецкой жизни, хозяйственно-политический статут и административное деление побежденных стран, ограничительные нормы права и образования для неполноценных народов, селекция и регулирование размножения, перемещение крупных человеческих масс из бывшего Советского Союза для восстановительных и реконструктивных работ в Германии и организации для них долгосрочных лагерей мирного времени, ликвидация и демонтаж промышленных узлов в Москве, Ленинграде, на Урале и даже такие мелкие, но неизбежные дела, как переименование русских и французских городов.

В его манере говорить была одна особенность — казалось, он почти что равнодушен к тому, слушают ли его. Он говорил плотоядно, с наслаждением шевеля большими губами, глядя поверх голов, куда-то между потолком и тем местом, где начинались атласные белые портьеры над темными дубовыми дверями. Иногда он произносил пышные фразы: «Ариец — Прометей человечества»... «Я возвратил насилию его значение, как источнику всего великого и матери порядка»... «Мы осуществили путь вечного господства арийского Прометея над всеми человеческими и земными существами»...

И когда он произносил эти слова, его лицо улыбалось и он, волнуясь, судорожно глотал воздух.

Муссолини поморщил брови, быстро повернул голову и скосил глаза, словно хотел разглядеть свое ухо, дважды он нервно посмотрел на ручные часы — он сам любил говорить. В этих встречах, где младший годами, последователь, всегда оказывался первым, дуче находил утешение

лишь в превосходстве своего ума, и потому долгое молчание было особенно тяжело ему. Он все время чувствовал на себе почтительный, приветливый и пристальный взгляд Риббентропа, сидевшего рядом с Чиано. Тот слушал, удобно сидя в кресле и глядя на большие губы фюрера, — не будет ли что-нибудь сказано о североафриканских колониях и будущей франко-итальянской границе. Но фюрер на этот раз не касался прозы. Альфиери, слышавший Гитлера чаще других итальянцев, смотрел вверх, в ту же точку, что и фюрер, — туда, где начинались портьеры, с выражением спокойной покорности. Йодль, сидевший на отдаленном диване, дремал, сохраняя на лице выражение внимания и деликатности. Кейтель, боявшийся уснуть — он сидел напротив Гитлера в кресле, — то и дело вскидывал массивную голову, поправлял монокль и, ни на кого не оглядываясь, угрюмо хмурился. Генерал Кавальеро с выражением счастья и грубой подбострастности, вытянув шею и склонив набок голову, слушал, упиваясь каждым словом Гитлера, и изредка коротко быстро кивал.

Для немецких и итальянских министров и вельмож, генералов и всех, кто не первый раз видел и наблюдал эти встречи, Зальцбургское свидание ничем не отличалось от предыдущих.

Так же, как и обычно, предметом разговора была континентальная политика и мировая война. Так же, как и обычно, вели себя при встрече фюрер и дуче: приближенные люди хорошо понимали отстоявшееся, выкристаллизовавшееся чувство одного к другому. Они знали тайное ощущение неравенства, не покидавшее Муссолини, знали, что он всегда раздражен инициативой, исходящей не из Рима, решениями, рождающимися в Берлине, совместными декларациями, которые его почтительно и торжественно просят подписывать, но не приглашают разрабатывать, ночными побудками, так как Гитлер имел обыкновение без церемоний вызывать патриарха фашизма для разговоров перед рассветом, в час крепкого сна.

А Чиано знал и постоянное утешение Муссолини, считавшего в глубине души Гитлера дураком; это утеше-

ние было в том, что сила фюрера лишь в статистическом, цифровом превосходстве немецкой армии, промышленности и населения над итальянцами; сила Муссолини была в самом Муссолини. Дуче даже любил высмеивать слабодушие итальянцев, это оттеняло личную силу человека, пытавшегося сделать молот из народа, который шестнадцать веков был наковальней. И при этом свидании приближенные люди, ловившие каждый жест и каждый взгляд своих хозяев, как и на предыдущих, отметили: отношения фюрера и дуче, и внешне и тайно-внутренне, были такими, как обычно. И такой же, как обычно, была внешняя суровость обстановки, подчеркивавшей военное величие и всеислие встречающихся. Возможно, некоторое отличие было в том, что речь в Зальцбурге шла о решающем, видимо последнем, военном усилии, так как на всем европейском массиве уже не оставалось вооруженного противника, кроме отступивших далеко на восток советских армий. Может быть, эту особенность Зальцбурга отметил бы будущий национал-социалистический историк. Возможно, что некоторое отличие от предыдущих их встреч было в особо уверенном, чрезвычайно уверенном настроении Гитлера.

Но все же было одно действительное отличие Зальцбургской встречи от всех предыдущих встреч Гитлера с Муссолини. Оно заключалось в том, что вождь фашистской Германии, жаждавший войны, упивавшийся войной, безгранично самоуверенно и настойчиво заговорил о мире, высказав в этом свой бессознательный страх перед порожденной им войной. Шесть лет он неизменно побеждал — сатанинским насилием и военным блефом. Он был уверен, что в мире есть лишь одна действительная сила — это сила его армии и его империи; все, что противостояло ему, было мнимым, условным, нереальным и невесомым. Действительным и весомым был его кулак. Этот кулак разрывал, как паутину, одну за другой военные, политические и государственные комбинации Европы. Он искренне верил, что, возродив первобытные зверства и вернувшись к дубине человеческого прапращура, он открыл

новые пути истории. Он доказал бессилие Версальского договора и порвал его, истоптал, а затем по-своему переписал на глазах президента Америки, премьеров Франции и Британии.

Он восстановил в Германии воинскую повинность, начал создавать запрещенные Версальским договором флот, армию, воздушные силы. Он ремилитаризировал Рейнскую область, введя туда тридцать тысяч солдат. Оказалось, эти силы достаточны, чтобы изменить решающий результат Первой мировой войны: для этого не нужны были миллионные армии и громады тяжелого вооружения. Удар за ударом, одно за другим он уничтожил государства послеверсальской Европы — Австрию, Чехословакию, Польшу, Югославию.

Но чем больше был его успех, тем темнее становилось в его голове. Он не мог ни понять, ни представить себе, что в мире существуют не одни лишь мнимые силы, не только политическая игра, не только категории пропаганды, не только правительства, заражающие своим бессилием солдат и матросов, — все то, с чем счастливо расправлялась его дубина.

Двадцать второго июня 1941 года германские армии вторглись в Советскую Россию. Первоначальный успех скрыл от Гитлера природу того гранита, тех духовных и материальных сил, против которых он ополчился. То были не мнимые силы, то были силы великого народа, заложившего фундамент будущего мира. Летнее наступление 1941 года, опустошительные зимние потери обескровили германскую армию, вызвали перенапряжение военной промышленности. Гитлер уж не мог, как в прошлом году, одновременно наступать на юге, на севере, в центре. Война сразу потеряла наиболее привлекавшие его свойства — она стала медленной, тяжелой. Но он не мог не наступать — в этом таилась его обреченность, а не его сила. Он начал тяготиться войной, стал бояться ее, а она все разрасталась и разрасталась, эта зажженная им десять месяцев назад война с Россией, он уже не был властен над ней, ее нельзя было потушить, она ширилась, как степной

пожар, ее размах, ее ярость, ее сила, ее продолжительность росли и росли, и ему нужно было во что бы то ни стало закончить ее, но оказалось, что успешно начать войну легче, чем успешно закончить ее.

Вот в этом-то, пока неприметном, отличии и был признак действительного, а не ложного и мнимого хода исторических сил, впоследствии приведшего к гибели почти всех участников того Зальцбургского совещания, на котором фашистский диктатор объявил о своем последнем, решающем наступлении на Советский Союз.

3

Петру Семеновичу Вавилову принесли повестку в самое неподходящее время: подождал бы военкомат еще месяца полтора-два, обязательно оставил бы семью на год с дровами и хлебом.

Что-то сжалось в душе у него, когда он увидел, как Маша Балашова шла через улицу прямо к его двору, держа в руке белый листок. Она прошла под окном, не заглянув в дом, и на секунду показалось, что она пройдет мимо, но тут Вавилов вспомнил, что в соседних домах молодых мужчин не осталось, не старикам же носят повестки. И действительно, не старикам: тотчас загремело в сенях, видимо, Маша в полутьме споткнулась, и коромысло, падая, загремело по ведру.

Маша Балашова иногда заходила по вечерам к Вавиловым, еще недавно она училась в одном классе с вавиловской Настей, и у них были свои дела. Звала она Вавилова «дядя Петр», но на этот раз она сказала:

— Распишитесь в получении повестки, — и не стала говорить с подружкой.

Вавилов сел за стол и расписался.

— Ну все, — сказал он, поднявшись.

И это «все» относилось не к подписи в разносной книжке, а к кончившейся домашней, семейной жизни, оборвавшейся для него в этот миг. И дом, который он собирался покинуть, предстал перед ним добрым и хоро-

шим. Печь, дымившая в сырые мартовские дни, печь с обнажившимся из-под побелки кирпичом, с выпуклым от старости боком показала ему славной, как живое, всю жизнь прожившее рядом существо. Зимой он, входя в дом и растопырив перед ней сведенные морозом пальцы, вдыхал ее тепло, а ночью отогревался на овчинном полушубке, зная, где печь погорячей и где попрохладней. В темноте, собираясь на работу, он вставал с постели, подходил к печи, привычно нашаривал коробок спичек, высохшие за ночь портянки. И все, все: стол с черными полумесяцами от горячей сковороды, и маленькая скамеечка у двери, сидя на которой жена чистила картошку, и щель между половицами у порога, куда заглядывали дети, чтобы подсмотреть мышиную подпольную жизнь, и белые занавески на окнах, и чугуны, настолько черные от копоти, что утром его не различишь в теплом мраке печи, и подоконник, где стоял в банке красненький комнатный цветок, и полотенце на гвоздике, — все это стало по-особому мило и дорого ему, так мило, так дорого, как могут быть милы и дороги лишь живые существа. Из троих его детей старший сын Алексей ушел на войну, а дома жила его дочь Настя и четырехлетний, одновременно разумный и глупенький, сыночек Ваня, которого Вавилов прозвал «самоваром». И правда, он был похож на самовар: краснощекий, пузатенький, с маленьким крантиком, всегда видимым из раскрытых штанишек, деловито и важно сопящий.

Шестнадцатилетняя Настя уже работала в колхозе и на собственные деньги купила себе платье, ботинки и суконный красный беретик, казавшийся ей очень нарядным. Она надевала беретик и смотрелась в зеркало с наполовину облупившейся амальгамой — одновременно видела и беретик и пальцы, которые держали зеркало, но лицо свое и беретик она видела отраженными в зеркале, а на пальцы смотрела, как через окошечко. Вавилов, глядя, как дочь, возбужденная и веселая, в знаменитом берете, выходила гулять, шла по улице среди подруг, обычно с грустью думал, что после войны девушек будет больше, чем женихов.

Да, здесь шла его жизнь. За этим столом сидел ночами Алексей, готовившийся в агрономический техникум, вместе с товарищами решал задачи. За этим столом Настя читала с подругами хрестоматию «Родная литература». За этим столом сидели сыновья соседей, приезжавшие гостить из Москвы и Горького, рассказывали о своей жизни, работе, и жена Вавилова, Марья Николаевна, говорила:

— Что ж, наши тоже в город поедут учиться на профессоров да на инженеров.

Вавилов достал из сундука красный платок, в котором были завернуты справки и метрики, вынул свой воинский билет. Когда он вновь положил сверточек со справками жены и дочери и свидетельством о рождении Вани в сундук, а свои документы переложил в карман пиджака, он почувствовал, что как бы отделился от своего семейства. А дочь смотрела на него новым, пытливым взглядом. В эти мгновения он стал для нее каким-то иным, словно невидимая пелена легла между ним и ею. Жена должна была вернуться поздно, ее послали с другими женщинами ровнять дорогу к станции — по этой дороге возили военные грузовики сено и зерно к эшелонам.

— Вот, дочка, и мое время пришло, — сказал он.

Она тихо ответила ему:

— Вы о нас с мамой не беспокойтесь. Мы работать будем. Только бы вы здоровый вернулись. — И, поглядев на него снизу вверх, прибавила: — Может, Алешу нашего встретите, вам вдвоем там тоже веселей будет.

О том, что ждало его впереди, Вавилов еще не думал, мысли были заняты домом и незаконченными колхозными делами, но эти мысли стали новые, иные, чем несколько минут назад. С утра он собирался положить лату на валенок, запаять дырявое ведро, потом подправить и развести пилу, потом зашить тулуп, подбить каблуки на жениних сапогах. Но сейчас нужно было сделать то, с чем жене самой не справиться. Начал он с самого легкого: насадил топор на готовое, лежавшее в запасе топорщице. Потом заменил худую перекладину в лестнице и полез чинить крышу. Он захватил туда с собой несколько новых

тесин, топор, ножовку, сумочку с гвоздями. На минутку ему показалось, что он не сорокапятилетний человек, отец семейства, а мальчишка, взобравшийся ради озорной игры на крышу, сейчас выйдет из избы мать и, заслоня ладонью глаза от солнца, поглядит вверх, крикнет:

— Петька, чтоб тебя, слазь! — и топнет в нетерпении ногой, досадуя, что нельзя схватить его за ухо. — Слазь, тебе говорят!

И он невольно поглядел на поросший бузиной и рябиной холм за деревней, где виднелись редкие, ушедшие в землю кресты. На миг показалось ему, он кругом виноват: и перед детьми, и перед покойной матерью — теперь уж не поспеет он поправить крест на ее могиле, и перед землей, которую ему не пахать в эту осень, и перед женой — ей на плечи он переложит тяжесть, которую нес. Он оглядел деревню, широкую улицу, избы и дворики, темневший вдаль лес, высокое ясное небо — вот тут шла его жизнь. Белым пятном выделялась новая школа, солнце блестело в ее просторных стеклах, белела длинная стена колхозного скотного двора.

Как он работал, отпуска у него не было! И ведь он не ленился, четырех лет от роду он, переваливаясь на кривых, гнутых ножках, пас гусей, маленьким пальчиком выискивал незамеченные картофелины в ямах, когда мать копала картошку на огороде, и нес их к общей куче, потом, став старше, он пас скотину, потом он копал землю на огороде, носил воду, запрягал лошадь, колол дрова, потом стал пахарем, научился косить, работать на комбайне.

Он плотничал, и стекла вставлял, и точил инструмент, и слесарил, и валял валенки, и чинил сапоги, и сдирал шкуры с зарезанных овец и павших лошадей, и дубил эти шкуры, и шил овчины, и табак сеял, и печь складывал. А сколько сделал он общественной работы. Это он в холодной сентябрьской воде складывал плотину, строил мельницу, мостил дорогу, копал каналы, месил глину, бил камень при постройке колхозного амбара и скотного двора и копал ямы для колхозной картошки. Сколько он вспахал

колхозной земли, накопил для колхоза сена, намолотил зерна, сколько мешков перенес на плечах, сколько леса возил для новой школы, сколько дубовых стволов свалил в лесу и обтесал, сколько вбил гвоздей, и много он бил молотом и рубил топором, копал лопатой. Два сезона проработал он на торфе, по три тысячи торфяных кирпичин выбрасывал за день, а пищи было — яичко разомнут на троих, ведро кваса да по кило хлеба, а от комаров на болоте такое гудение, что дизеля не слышно. А сколько он наформовал кирпича. Из этого кирпича и больница, и школа, и клуб, и сельсовет, и колхозное правление, и даже в район его кирпичи возили. Два лета проработал он лодочником, возил грузы для фабрики; течение такое, что пловец не осилит его, а лодка поднимала пятьсот пудов, жилами выгребали.

Он все оглядывал: дома, огороды, улицу, тропинки, оглядывал деревню, как оглядывают жизнь. Вот прошли к правлению колхоза два старика — сердитый спорщик Пухов и сосед Вавилова Козлов, его за глаза звали Козликом. Вышла из избы соседка Наталья Дегтярева, подошла к воротам, поглядела направо, налево, замахнулась на соседских кур и вернулась обратно в дом.

Нет, останутся следы его труда.

Он видел, как в деревню, где отец его знал лишь соху да цеп, косу да серп, вторглись трактор и комбайн, сенокосилки, молотилки. Он видел, как уходили из деревни учиться молодые ребята и девушки и возвращались агрономами, учителями, механиками, зоотехниками. Он знал, что сын кузнеца Пачкина стал генералом, что перед войной приезжали гостить к родным деревенские парни, ставшие инженерами, директорами заводов, областными партийными работниками.

Иногда по вечерам они собирались поговорить о жизни. Старик Пухов считал нынешнюю жизнь хуже прежней. Он высчитывал, что стоило зерно при царе, что можно было купить в лавке, сколько стоила пара сапог, какие щи варились, и получалось, что жилось тогда легче. Вавилов спорил с ним, он считал, что чем больше народ помо-

гает государству, тем больше сможет государство помочь народу.

Пожилые женщины говорили: мы теперь людьми стали, теперь наши дети в большие люди выходят; а при царе, может, сапоги и дешевле стоили, а нас и детей наших за людей не считали.

Пухов отвечал: на крестьянине всегда государство стоит, а государство, оно тяжелое, и при царе бывал голод — и теперь случается, и при старом режиме с мужика брали — и теперь есть на него налог, были и есть лапотники... Пухов обычно кончал так: а вообще все бы хорошо, только бы не колхозы.

Вавилов еще раз посмотрел вокруг.

Ему всегда хотелось, чтобы жизнь человека была просторна, светла, как это небо, и он работал, поднимая жизнь. И ведь не зря работал он и миллионы таких, как он. Жизнь шла в гору.

Закончив работу, Вавилов слез с крыши, пошел к воротам. Ему вдруг вспомнилась последняя мирная ночь, под воскресенье 22 июня: вся огромная, молодая рабочая и колхозная Россия пела, играла на баянах в городских садах, на танцевальных площадках, на сельских улицах, в рощах, в перелесках, на лугах, у родных речек...

И вдруг стало тихо, не доиграли баяны.

Вот уж год стоит над советской землей суровая, без улыбки тишина.

4

Вавилов пошел в правление колхоза. По дороге он опять увидел Наталью Дегтяреву.

Обычно она смотрела на Вавилова угрюмо, с упреком — у нее на войне были и муж и сыновья. Но сейчас, по тому, как она поглядела на него внимательно и жалостливо, Вавилов понял: Дегтярева уже знает, что и к нему пришла повестка.

— Идешь, Петр Семенович? — спросила она. — МARYA-то еще не знает?

— Узнает, — ответил он.

— Ой узнает, узнает, — сказала Наталья и пошла от ворот в избу.

В правлении председателя не оказалось: уехал на два дня в район.

Вавилов сдал однорукому счетоводу Шепунову колхозные деньги, полученные им накануне в районной конторе Госбанка, получил расписку, сложил вчетверо и положил в карман.

— Ну все, до копеечки, — сказал он, — перед колхозом я не виноват ни в чем.

Шепунов, позванивая медалью «За боевые заслуги» о металлическую пуговицу на гимнастерке, подвинул в сторону Вавилова лежавшую на столе районную газету и спросил:

— Читал, товарищ Вавилов, «В последний час»? От Советского Информбюро?

— Нет, — ответил Вавилов.

Шепунов стал читать:

— «Двадцатого мая наши войска, перейдя в наступление на харьковском направлении, прорвали оборону немецких войск и, отразив контратаки крупных танковых соединений и мотопехоты, продвигаются на запад. — Он поднял палец, подмигнул Вавилову: — ...продвинулись на глубину двадцать — шестьдесят километров и освободили свыше трехсот населенных пунктов...» Вот и пишут: «Захвачено орудий триста шестьдесят пять, танков двадцать пять, а патронов около миллиона штук...»

Он посмотрел на Вавилова с дружелюбием старого солдата к новичку и спросил:

— Понял теперь?

Вавилов показал ему повестку из военкомата.

— Понял, отчего ж я не понял... Я и другое понял: это пока так, только начало, а к самому делу как раз и я поспею. — И он разглядел повестку на ладони.

— Может, передать что-нибудь Ивану Михайловичу? — спросил счетовод.

Что ж ему передавать, он и сам все знает.

Они заговорили о колхозных делах, и Вавилов, забыв о том, что председатель «сам все знает», стал наказывать Шепуну:

— Ты передай Ивану Михайловичу: доски, что я с лесопильного завода привез, пусть на ремонт не пускает. Так и скажи. Потом насчет мешков наших, что в районе остались. Надо человека послать, а то пропадут либо заменят их нам. Потом насчет оформления ссуды... так и скажи — Вавилов передал...

Он не любил председателя. Тот гнул свой личный интерес во всех делах, отошел от земли, хитрил. Он составлял отчеты, по которым получалось перевыполнение плана, и все знали, что нету перевыполнения. Он ездил в район и даже область, возил подарки — то меду, то яблок.

Видимо, он не докладывал к своему председательству — привез из города диван, большую лампу, швейную машину. Когда было награждение области, его наградили медалью «За трудовое отличие». Он носил ее летом на пиджаке, а зимой приколотой к шубе, и, когда он заходил с мороза в натопленное помещение, медаль покрывалась каплями росы.

Он считал, что главное в жизни не работа, а умение обращаться с людьми, говорил одно, а делал другое. К войне он относился просто — понял, что районный военный комиссар во время войны есть одно из главных лиц. И действительно, его сын Володька укрылся за броню, стал работать на военном заводе и иногда приезжал домой за салом и самогоном для нужных людей.

И председатель не любил Вавилова, боялся его, говорил: «Слишком ты для меня поперечный человек, нет в тебе обращения». А председатель общался только с нужными людьми, с теми, что могли и взять и дать. В колхозе Вавилова многие побаивались — очень он был угрюм и молчалив. Но ему верили и всегда при артельной работе ему поручали получать и хранить деньги, во всех общественных делах и складчинах его выбирали казначеем. Всю свою жизнь не знал он ни судов, ни допросов, и только за год до войны пришлось ему по глупому случаю впервые побывать в милиции.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ 1	5
ЧАСТЬ 2	380
ЧАСТЬ 3	661